

УДК 930.1: 94 (575.2) (04)

ИНТЕГРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МИРОВЫХ СИСТЕМ

Р.Г. Нурмаметов

Рассматриваются как теоретические аспекты интеграции исторических мировых систем, так и в общих чертах реконструируется реальный исторический процесс культурогенеза на основе археологических и палеолингвистических данных.

Ключевые слова: историческая система; интеграция; миграции; индоевропейская культура; культурогенез.

Интеграция – это составная часть исторических процессов. В широком смысле интеграция (лат. “integratio” – восстановление, восполнение; “integer” – целый) – это понятие теории систем, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию. В социальном плане под интеграцией понимается определенный порядок взаимоотношений между различными элементами социума. Соответственно при анализе интеграции следует различать уровень рассматриваемых систем. К примеру, интеграция составных частей в форме историко-культурных общностей в единую историческую мировую систему.

В политической и экономической науках понятие интеграции характеризует внутреннее состояние общества, социума или относится к социуму, интегрированному в более широкую систему. Интеграция может осуществляться на основе принуждения, взаимной выгоды или сходства способа хозяйствования, а также интересов, целей и ценностей различных групп, этнических общностей.

Степень интеграции может служить показателем уровня прогрессивного развития исторической мировой системы. Историки подчеркивают особую значимость интеграции: “Под культурной интеграцией следует понимать ассимиляцию различных культурных элементов в единой гомогенной культуре. Движущие силы такого процесса могли лежать и вне культурной сферы, восходя к особенностям социального и экономического развития того или иного общества или групп общества. Реконструкция культурного процесса как интеграции позволяет в ряде случаев лучше понять влияния, наблюдаемые на археологическом материале в сфере культурогенеза, которые часто по привычке тра-

фаретной схеме рассматривались как показатель этнических перемен” [1, с. 94–95].

Одной из важных составляющих интеграции являются миграционные процессы. В исторической науке проведена огромная работа по классификации исторических миграций. Широкий диапазон теорий, подходов, концепций и научных методов представлен в историографическом обзоре, выполненным Л.С. Клейном [2, 3].

Обратимся к одной из наиболее известных миграционных классификаций:

1. Колонизация, когда выработанный на территории прародины комплекс переносится на территории ненаселенные или покинутые своим населением, либо слабо населенные с возможным вытеснением аборигенов.

2. Сосуществование подразумевает, что принесенная культура некоторое время существует, не входя в контакт с местной. К такому типу обычно относятся миграции, при которых культурный уровень пришлого населения значительно ниже уровня культуры аборигенов.

3. Ассимиляция, при которой местная культура целиком подавляется пришлой, если миграция осуществляется из зоны более развитой цивилизации.

В сложении первых исторических систем на территории Центральной и Средней Азии нашли отражение все типы миграций. На археологическом материале можно проследить и характер, а иногда и пути культурных взаимодействий, определявших характер интеграционного процесса.

Из имеющихся к настоящему времени археологических материалов и письменных свидетельств, содержащихся в индоиранских письменных источниках Ведах и Авесте, можно составить представление о масштабных миграциях

народов уже с конца третьего тысячелетия до нашей эры. А поскольку пути значительной части древних миграций имели начало или проходили через территорию Кыргызстана, то его история тесным образом взаимосвязана с интеграционными процессами.

Предполагается, по крайней мере, три волны миграций, каждая из которых частично или полностью перекрывала более раннюю. Вероятно, распад индоиранского единства относится примерно к рубежу III и II тыс. до н.э., общеиранского – примерно к середине II тыс. до н.э., а восточноиранского – к рубежу II и I тыс. до н.э.

Общей иллюстрацией к процессу расселения древнейших индоиранцев на юг может служить предание о Йиме (Яме в ведической традиции), который почитался в качестве прародителя всеми древними индоиранскими народами. В нем повествуется, как этот славный герой трижды, через определенные промежутки времени, расширял землю в южном направлении (“Видевдат” II, “Ясна” 9, I–5) [4].

В настоящее время существует большое количество гипотез и реконструкций древних миграций в эпохи неолита и бронзы. Проводя их классификацию, мы пришли к выводу, что те миграции, которые связаны с территорией Кыргызстана, можно объединить в четыре основные группы. Первая группа имеет в своей основе гипотезу Т.В. Гамкрелидзе о миграции протоиндоевропейцев из Малой и Передней Азии через территорию Средней Азии и далее через Казахстан и Волго-Уральский регион в Восточную и Центральную Европу, где образуются центры зарождения многих индоевропейских народов [5]. Эта версия построена главным образом на палеолингвистических реконструкциях и весьма слабо поддается доказательству на основе археологического материала.

Вторая миграционная концепция предполагает, что исходным центром миграций, в особенности на рубеже III–II тыс. до н.э., был Иран, а точнее его центральные и восточные районы и западная часть современного Афганистана. Вероятно, импульс этих миграций лежал еще западнее – в Малой Азии. Эта группа миграций относится к ранним индоевропейским миграциям. Этнографическим свидетельством таких миграций являются сохранившиеся в отдаленных горных долинах Памира и Гиндукуша дардско-кафирские народности, относящиеся лингвистами к древнейшему пласту индоевропейских языков.

Третья наиболее многочисленная группа миграций связана с могучим северным векто-

ром миграций индоевропейских племен с конца V тыс. до н.э., который достиг территории Кыргызстана в начале II тыс. до н.э. в качестве миграции индоиранцев и индоариев. Именно с их продвижением связана большая часть археологического материала, а также следы этих миграций можно реконструировать по материалам Авесты и Вед.

И, наконец, четвертая идея о путях древних миграций исходит из геоисторического подхода, основанного на анализе взаимодействия и интеграции исторических систем. В контактных зонах исторических систем происходит пересечение миграционных векторов и зарождаются новые исходные точки последующих миграций. Геоисторический подход в определенном смысле синтезирует концепции второй и третьей групп миграций.

Возникшая в Передней Азии раннеземледельческая цивилизация, ознаменовавшая начало “неолитической революции” с V–IV тыс. до н.э. стала распространяться в различные регионы, включая северо-восточное направление через Иран в Среднюю Азию. Распространение новых способов производства осуществлялось главным образом посредством миграции носителей новых хозяйственно-культурных традиций. В IV тыс. до н.э. они освоили южные оазисы Туркменистана (джейтунская культура), откуда земледелие и скотоводство распространялось по всей Средней Азии. В III тыс. до н.э. волна “неолитической революции” достигла оазисов Восточной Ферганы на территории современного Кыргызстана. Очевидно, что эта волна миграции первых скотоводов и земледельцев оставила лишь незначительные следы своей деятельности, большинство носителей новой хозяйственно-культурной традиции, вероятнее всего, в силу различных причин либо мигрировали в другие регионы или возвратились обратно, либо были ассимилированы новыми мигрантами с севера. Следы влияния этой культуры в степной зоне Евразии практически отсутствуют.

Следующая волна миграции периода средней бронзы (середина II тыс. до н.э.) исходила из ареала индоевропейских культур в Малой Азии и Иране, с четко выраженной социальной иерархией, нашедшей отражение в мифологических и изобразительных сюжетах с солнцеголовыми персонажами. Материальные свидетельства этой волны еще практически не изучены, но вероятно именно в этот период были созданы петроглифы с изображениями солярных знаков в Саймалуу-Таш. Эта волна миграции встрети-

с северной волной из ареала индоевропейских культур (срубной и андроновской), сложившихся в Волго-Уральском регионе, в результате чего сформировались синтетические культуры, в частности тазабагыбская культура.

В результате этого встречного движения в Средней и Центральной Азии в период финальной бронзы, взаимодействия и интеграции народов, представляющих две исторические мировые системы, не только синтезировались чувствская и семиренская культуры, но и сформировался этнический “плавильный котел”, в котором зарождались народы эпохи раннего железа. Весьма примечательно, что все миграционные импульсы совпадают с выявленными циклами развития как южной оседло-земледельческой мировой системы, так и северной скотоводческо-земледельческой исторической системы.

В отличие от эпохи неолита с доминирующим присваивающим хозяйством переход к производящему хозяйству ознаменовался сменой границ историко-культурных областей. Теперь уже не орографические и гидрографические рубежи определяли границы этих областей, а производственные ресурсы – плодородные земли и пастбища.

Важнейшим для дальнейших судеб не только Кыргызстана, но и всей Центральной и Средней Азии стало соприкосновение двух основных мировых систем эпохи бронзы на территории Кыргызстана. В археологическом плане с одной стороны – это новая земледельческая культура, развивавшаяся в среднем течении Амударьи с конца III тыс. до н.э. и существовавшая до середины II тыс. до н.э., которая получила название Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) [5, 6, 7]. А с другой стороны это андроновская культурно-историческая общность, зародившаяся на Южном Урале, в Северном и Центральном Казахстане и активно распространявшаяся в южном направлении.

Возникший в предгорной полосе Копетдага один из древнейших очагов культуры Востока – джейтунский – характеризует развивающееся с эпохи неолита общество, перешедшее к оседлому земледелию. К III тыс. до н.э. здесь по обеим сторонам Туркмено-Хорасанских гор (долина Сумбара и Горгана) существовал единый хозяйственно-культурный комплекс. К востоку от него в южной Туркмении предполагался другой очаг древнеземледельческой культуры III – начала II тыс. до н.э. (Намазга, Анау, Алтынтепе). Население этих областей, создавших самобытную культуру, поддерживало тесные отноше-

ния с Месопотамией и Индией. Носители этих культур, по всей видимости, стали активными участниками миграционных процессов бронзового века, одной из причин которых стало резкое изменение климатической и экологической ситуации в Средней Азии. На начало II тыс. до н.э. приходится пик засушливого ксеротермического периода, что привело в наиболее населенных районах к нарушению равновесия между экономическими ресурсами и количеством их потребителей.

В южной части Средней Азии в результате миграции складывается новый очаг древнеземледельческой протогородской культуры. Сначала пришлое население появилось в дельте Мургаба, где на ее ветвях возникает ряд оазисов, объединяющих группы поселений (Келлели, Гонур, Тоголок и др.). Затем мигранты продвигаются на среднее течение Амударьи в Бактрию, где также расселяются в оазисах (Дашли, Сапалли, Джаркутан, Миршади).

Происхождение комплекса остается до конца не выясненным, но очевидно, что он не имеет собственных корней в Бактрии и Маргиане и, видимо, был принесен пришлым населением. По мнению В.М. Массона, появление самых ранних поселений в дельте Мургаба связано с выходцами из оазисов древней урбанизированной культуры подгорной полосы Копетдага (комплекс Келлели), а позднее – с появлением этнических групп из Северо-Восточного Ирана (район Гисара) [9, с. 91, 130–131]. Дальнейшая миграция была направлена из Маргианы в Бактрию. В.И. Сарияниди считает, что наиболее характерные черты БМАК находят исходные соответствия в Иране, но освоение оазисов Маргианы начали прикопетдагские племена [6, 7, 8].

Комплекс датирован концом III – серединой II тыс. до н.э. и рассматривается обычно как своеобразная культура, в целом не имеющая точных параллелей и возникшая после отмечаемого повсеместно на Востоке запустения старых древнеземледельческих центров.

Отсутствие местной почвы, из которой ростки этой цивилизации могли бы прорасти, убеждает в пришлом происхождении ее создателей. При всем разнообразии мнений о конкретной прародине этого комплекса, можно реконструировать модель колонизации, когда массы населения в конце III тыс. до н.э., покинув места своих первоначальных поселений, скорее всего, в силу экономических причин, вероятнее всего, наступления ксеротермического периода, продвигаются в восточном направлении в поисках новых

земель, пригодных для земледелия, и осваивают пустующие территории в дельте Мургаба, а затем на притоках среднего течения Амударьи.

На пути своего следования они, качественно трансформировались и не просто воспринимали некоторые элементы культур транзитных территорий, а фактически интегрировались в новые общности. Более того, есть все основания предполагать, что уже на просторах Малой Азии и Ирана происходила интеграция северных, скотоводческо-земледельческих и южных земледельческо-скотоводческих племен индоевропейского круга.

Расселившись в Бактрии и Маргиане, эти племена растекаются далее в юго-восточном направлении в сторону Индийского субконтинента, где, по археологическим данным активно участвуют в процессах создания новых культур [7, с. 276].

В зоне степей Евразии во II тыс. до н.э. также складываются различные варианты исторической мировой системы, в основе которых лежал принципиально иной способ хозяйствования. Важнейший побуждающий импульс развития здесь исходил из ареала общности Синташта-Аркаим, сложившийся на базе андроновской культуры [10, 11].

Суть этого революционного процесса – убыстренное развитие скотоводства (особенно коневодства), земледелия, бронзолитейного производства, рост народонаселения, социальные сдвиги, выразившиеся в формировании родовой аристократии, элиты воинов-колесничих. Немаловажна также отработка устойчивых путей контактов между группами населения. Южное направление распространения этих контактов становится одним из главных. Появление и распространение в Средней Азии памятников культур степной бронзы с начала II тыс. до н.э. связано с расселением групп скотоводов этого круга, подвижность которых определялась как экологией и демографическим прессингом, создавшимся в степях, так и широким внедрением в обиход колесного транспорта с участием легких конных колесниц [12, 13].

Проникновение этих племен в оазисы, предгорья и горные долины Средней Азии означало начало взаимодействия подвижных племен скотоводов и оседлого земледельческого населения, при котором пришельцы некоторое время жили совместно с носителями местной культуры, до их полной ассимиляции. Это распространение не было вторжением завоевателей, но, видимо, носило организованный характер и протекало

несколькими волнами. Аборигенные культуры (кельтеминарская и гиссарская) в результате двустороннего воздействия полностью исчезают.

Постепенно в срединной зоне взаимодействия не только расселяются отдельные группы пастушеско-земледельческих культур, но, вступая во взаимодействия с оседло-земледельческими культурами, появляются синкретические культуры. Эту картину ярко иллюстрируют Бишкентская, Вахшская, Сапаллинская культуры [1, 4].

Таким образом, в эпоху бронзы происходят первые шаги интеграции исторических мировых систем, ведущую роль в которой сыграли миграции, интегрировавшие степные культуры с оседлым населением оазисов, что во многом определило дальнейший ход экономической, культурной и этнической истории Средней Азии.

Как результат предшествующего культурного синтеза на основной территории, где он фиксируется в бронзовом веке, в последующую эпоху со второй половины II – в первой трети I тыс. до н.э. формируется качественно новая историческая общность – ареал культур расписной керамики, к числу которых относится и чувская культура. Синтез культурных традиций отчетливо прослеживается в этой комплексной, оседлой земледельческо-скотоводческой культуре, распространенной на юге Кыргызстана. Для нее характерны расписная керамика и сырцовая архитектура. Вместе с тем отдельные формы бронзовых изделий, хозяйственные ямы-хранилища, детали конской упряжи свидетельствуют о связях, уходящих в зону азиатских степей.

Таким образом, начиная с конца неолита и начала эпохи бронзы на территории Кыргызстана происходили активные процессы интеграции и взаимодействия исторических систем. Одна из систем представлена скотоводческо-земледельческим комплексом культур, который на территории Казахстана и Средней Азии принадлежит к андроновской культурно-исторической общности; другая система соотносится с комплексом оседлых земледельческо-скотоводческих обществ, продвигавшихся с территории Малой Азии, Ирана в направлении Средней Азии.

Литература

1. *Массон В.М.* Ритмы культурогенеза и концепция ранних комплексных обществ // Вестник российского научного гуманитарного фонда. СПб, 1998. № 3.
2. *Клейн Л.С.* Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропо-

- логических и этнографических наук. Чикаго, 1973. Доклады советской делегации. Москва, 1973.
3. *Клейн Л.С.* Миграция: археологические признаки // Журнал STRATUM. 1993. <http://stratum.ant.md>.
  4. Авеста в русских переводах (1861–1996) / Под ред. И.В. Рак. СПб., 1998.
  5. *Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейские миграции (К вопросу об индоевропейском языке и индоевропейской прародине) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. Л.: Наука, 1985.
  6. *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
  7. *Сарианиди В.И.* Первые индоиранцы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальной модели: Материалы международной конференции. Челябинск-Аркаим, 1999.
  8. *Sarianidi V.I.* Civilization of Margiana. Athene, 1999.
  9. *Массон В.М.* Алтындепе. Л., 1981.
  10. *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблемы ранних индоарийских племен // Советская археология. 1974. № 4.
  11. *Зданович Г.Б.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Азии. Челябинск, 1991.
  12. *Кузьмина Е.Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. Древняя и средневековая история и филология. М., 1986.
  13. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.